Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 54–62.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 54–62.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. Часть 2

Стефани Цихаус
Венский университет, Вена, Австрия, ziehausstephanie@gmail.com

Аннотация. В статье представлен исторический анализ иностранного землевладения на Дальнем Востоке Российской империи, а именно корейцев села Благословенное, Зазейских маньчжуров, а также эвенков и орочонов в Амурской области в период с 1861 по 1917 год. Опираясь на документы местной администрации, а также на официальные законодательные постановления, в данной работе дается представление о пересечении суверенитета и подданства, исследует процессы наделения землей, запреты на иностранное землевладение и межевание. В статье показано, как российская администрация формировала институты землевладения и землепользования в зависимости от подданства пользователей земли. Корейцы могли легализовать свое пользование землей путем принятия имперского подданства. Для маньчжуров легализация земли представляла неразрешимую проблему, ведь их земельные владения были связаны с поддержанием суверенитета Цинского государства. Из-за доктрины terra nulius и отсутствия институтов инородного управления, империя не признавала землевладения коренного дальневосточного населения, хотя их самих рассматривала как действительных подданных империи.
Ключевые слова: *Российская империя, Амурская область, землевладение, имперское подданство, корейцы, маньчжуры, тунгусы*
Для цитирования: Цихаус С. В руках иностранных подданных: формы нерусского землевладения в Амурской области в 1861–1917 гг. Часть 2 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 54–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. Part 2

Stephanie Ziehaus
University of Vienna, Vienna, Austria, ziehausstephanie@gmail.com

Abstract. The article presents a historical analysis of foreign land ownership in the Far East of the Russian Empire, namely the Koreans of the village of Blessed, the Zazeya Manchus, as well as the Evenks and Orochons in the Amur region in the period from 1861 to 1917. Drawing on documents from local administrations, as well as official legislative decrees, this work provides insight into the intersection of sovereignty and citizenship, and explores the processes of land allotment, bans on foreign land ownership and land surveying. The article shows how the Russian administration formed the institutions of land ownership and land use depending on the citizenship of land users. Koreans could legalize their use of land by accepting imperial citizenship. For the Manchus, the legalization of land presented an insoluble problem, because their land holdings were associated with maintaining the sovereignty of the Qing state. Due to the doctrine of terra nulius and the absence of institutions of foreign governance, the empire did not recognize land ownership of the indigenous Far Eastern population, although they themselves were considered as valid subjects of the empire.
Key words: *Russian Empire, Amur region, land ownership, imperial citizenship, Koreans, Manchus, Tungus*
For citation: Ziehaus S. In the hands of foreign subjects: forms of non-Russian land tenure in the Amur region in 1861–1917. Part 2 // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 54–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/54-62

Введение

В первой части настоящей статьи рассмотрено два типа "нерусского" (инородческого) землевладения в Амурской области: 1) корейское землевладение – с. Благословенное и 2) землевладение маньчжуров поселения в Зазейском районе. В настоящей части статьи рассматривается третий тип инородческого землевладения – коренное население (тунгусы, а именно эвенки и орочоны, также упоминаемые в документах под правовой категорией для групп этнических меньшинств в Российской империи – так называемые "инородцы" **[19, с. 173–190]**.

Окончание – начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 69–80.

© Цихаус С., 2024

Акцент на землепользовании коренного населения сделан для того, чтобы дать более подробное представление о неформальном характере землевладения, который преобладал на российском Дальнем Востоке. Помимо институциональных особенностей маньчжурского и корейского землевладения, в статье рассмотрено землепользование коренного населения, которое, хотя и было преимущественно кочевым, тем не менее, использовало рыболовные и охотничьи угодья и, следовательно, включалось в правовые отношения на этих территориях.

В первой части статьи показано, что землевладения маньчжуров – цинских знаменщиков – напрямую подрывали суверенитет России в Маньчжурском клине. Они не могли быть ассимилированы или включены в состав российского подданства, и поэтому их земельные владения представляли серьезную проблему для Российской империи. Нерешённым оставался и вопрос о других китайских подданных (особенно манзах и манеграх) на российском Дальнем Востоке, которые после присоединения данной территории к России, продолжали занимать и обрабатывать земли, не платя поземельного налога **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 20)**[1].

Когда закончился двадцатилетний льготный период свободного землепользования в соответствии с нормой 1861 г., необходимо было провести границы существующих земельных участков. В 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин приказал провести военно-статистическое обследование всех районов региона. По его распоряжению амурским казакам было поручено провести межевание пограничных земель по Амуру и Уссури и наделить крестьян землей. Основной целью землеустройства было окончательное оформление земельных владений, разрешение земельных конфликтов и перераспределение пахотных земель от иностранцев российским подданным **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–90)**.

Огромное количество государственных земель – в понимании российской администрации было занято инородцами китайского подданства. Ожидалось, что эти инородцы переберутся через Амур, освободив тем самым земли для прибывающих русских поселенцев **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 2)**.

Атаман Приамурских казачьих войск генерал-лейтенант С.М. Духовской считал важным, что пограничные полосы по р. Амур отданы казакам именно с правом собственности **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 146. Л. 2)**, потому что их собственность одновременно подтверждала суверенитет русского государства на этих территориях. Но в то же время Духовской признавал, что в районе Амурского казачьего войска продолжают проживать и кочевать "разного рода инородцы, промышляющие охотою и рыбною ловлею" **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 525. Л. 21)**.

С.М. Духовской не обращал особого внимания на инородцев, заявляя, что необходимо сохранить за ними впредь до изменения или упорядочения их быта, полную беспрепятственность продолжать прежний образ жизни и промыслы безо всяких притеснений **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 525. Л. 21)**. Очевидно, что он не учитывал, что инородцы не имели какого-либо постоянного права на землю, на которой они ловили рыбу и охотились.

Несмотря на всю сложность и неопределенность своего положения, маньчжуры и корейцы оставались такими землевладельцами Амурской области, чьи права на владение землей, по крайней мере, рассматривались российской администрацией. Напротив, она воспринимала амурские кочевые группы как не привязанные к конкретному месту, бесцельно бродящие по тайге, способные установить постоянное право собственности. Посетив Ангару в 1845 г., А.П. Орлов в отношении баунтовских и ангарских тунгусов писал: "тунгус же не имеет родины, потому что вся жизнь его проходит в беспрерывном передвижении с одного места на другое. […], а потому не помнит настоящего места своего рождения, не заботится о нем, даже не спрашивает об этом у своих родных, – одним словом, он не имеет родины и не привязан ни к какой местности, а подобно зверю скитается по необитаемым пустыням или тайгам: это его стихия" **[8, с. 180]**.

[1] РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Доктрина "*terra nullius*" была основополагающей для процесса заселения Дальнего Востока. Земля воспринималась как "незанятая", "невозделанная". Н.А. Крюков, в статье, посвященной сельскому хозяйству Приморья писал: "Когда русские люди появились в Приморской области, большая часть её была пустынной, как и теперь, и только изредка попадались бродячие инородцы" **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп 1. Д. 174. Л. 190)**.

Отношение первого военного губернатора Амурской области Н.В. Буссе к инородцам, находившимся в его владениях, было пренебрежительным и подозрительным. По его заявлению, сделанному им в 1865 г., кочевые инородцы в частях Амурской области были помехой, вызывали пожары, занимались незаконным пушным промыслом и охотой **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 515. Л. 6)**. Он не пытался ввести систему самоуправления коренного населения, как это было сделано в соседнем Забайкалье. Там буряты, якуты и эвенки были организованы в трехзвенную систему самоуправления коренного населения, предусмотренную "Уставом об управлении инородцев" от 22 июля 1822 года **(ПСЗ. I. Т. 38, № 29126, с. 394–417)**[2].

Устав стал основополагающим для управления коренными народами Сибири в XIX в., его развитие отражает одновременные указы о поселении и землевладении, введённые в XIX в. В то время как в законах о землевладении происходил сдвиг в сторону государственного переселения и введения частного землевладения для лучшего укрепления границы, указы об управлении туземцами Сибири постоянно упраздняли их автономные институты самоуправления.

Согласно Положению 1822 г., туземцы Сибири делились на три стадии экономического и культурного развития – оседлую, кочевую и бродячую. Коренное население Иркутской губернии и Забайкальской области классифицировалось как "оседлые" или "кочевые" инородцы. Кочевые инородцы были наделены обширными земельными угодьями (кочевьями) для продолжения привычного им образа жизни и обеспечения российской администрации ценной пушной данью. Детальный раздел этих земельных наделов зависел от самих кочевников в соответствии с их обычным правом. Русским или представителям другого рода запрещалось селиться на этих землях без разрешения землевладельцев. Однако эта земля всегда считалась государственной и являлась собственностью Казенной палаты.

Коренное население Амурской области и Приморья относилось исключительно к категории "бродячих", что означало, что они "кочуют с места на место", не имея постоянного поселения. В результате такой классификации они не получали в свое пользование участки земли, где русским поселенцам запрещалось жить, но могли свободно перемещаться за пределы уездов и даже губерний. Не имея определенной территории, бродячие инородцы имели только один уровень управления – родовой, под руководством старосты. Единственным исключением были удские эвенки на севере, которые в 1858 г. создали инородную управу. В него вошли эвенки Бутальского, Лалагирского, Анкагирского, 3-го Эжанского и других родов **(12, с. 98)**.

Инородцами Амурской области были этнические группы тунгусо-маньчжурской языковой группы, расселенные по Нижнему Амуру и Приморью, а также такие группы, как нивхи, удэгейцы и нанайцы. Потомки тунгусов, фигурирующие в документах XIX в., сегодня признаются в качестве отдельных этнических национальностей в РФ и КНР. Эти национальности пересекаются с историческими административными категориями, определенными этнографами и администраторами, но отражают собой трудный процесс категоризации изменчивых этнических идентичностей в рамках крупных проектов по проведению переписей населения **[19, с. 5–6]**.

Эвенки и орочоны занимались кочевым сезонным землепользованием, пушным промыслом и рыболовством. Значительно большая численность эвенков и орочонов была отмечена в северо-западной части Амурской области, в районе казачьих постов Игнашенского **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 13)** и Черняева **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565. Л. 4, 4 об.)**.

Этноним орочон означает "оленные люди", и их также называют олене-тунгусами (оленные тунгусы) из-за их занятия оленеводством. Другая часть

[2] ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

тунгусов вела полуоседлый образ жизни, связанный с разведением лошадей. Эта группа "конных тунгусов" принадлежала в основном к роду Манегир. Это родовое название "манегры" впоследствии применялось ко всем конным эвенкам **[3, с. 54]** и, кроме того, являлось термином, под который были подведены эвенки цинского подданства. Манегры жили по обоим берегам Амура. На правом берегу они обитали в долине р. Кумара, где было достаточно пастбищ для выпаса лошадей.

Манегры в документах российской администрации иногда упоминались как тунгусы китайского подданства. Орочоны, а также манегры и гольды (исторический термин, используемый этнографами для нанайцев) бродили в районе казачьей станицы Черняево. Эти группы считались подданными Китая, и они не платили ясак русским.

Другая кочующая тунгусская группа – бирары – обитала в Амурской области, в основном в бассейне р. Буреи, где некоторые из них занимались земледелием вдоль рек Бурея и Амур. На Амуре, где они нашли плодородную почву некоторые из них превратились в оседлых земледельцев. Но большинство их жило охотой и потому вело бродячий образ жизни **[14, с. 37–41]**.

По оценкам российской администрации, всего в Амурской области проживало 3 тыс. инородцев, приписанных к эвенкийским родам Никаганский, Никагирский, Киндигирский и Орочонский род Баягирский. Среди этого числа было также около 1 тыс. манегров, проживавших вдоль Амура от казачьей станицы Пермикана до станции Кумара и до 1890-х гг., плативших дань Цинской империи **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565, Л. 4, 4 об.)**. Из ведомости 1876 г. о числе инородцев видно, что в Амурскую область зачислены из Забайкальской тунгусы Никаганского и Никагирского родов 268 душ, а из Якутской области оленные тунгусы первого Бесыдского рода, 1689 души, Кандагирского рода 100 душ и Шалаганского рода 25 душ. Эти инородцы по ведомости бродили в верховьях р. Амура и вносят ясак в станицу Албазинскую. Временно заходят орочоны, бродящие в верховьях Амура до станицы Черняево. "Временно" в этом контексте значит, что они платят ясак в другое ведомство и они не зарегистрированы в Амурской области. Манегры бродят от станции Черняево до Бурье и гольды в районе Амурского пешего казачьего батальона, а также в Буреинском округе в Тырмино-Чекундинском районе, особенно вокруг села Чекунда, основанного на более древнем эвенкийском поселении **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 565. Л. 4, 4 об.)**.

По словам этнографов, манегры находились под сильным китайским влиянием **[16, с. 524]**, что создало серьезную проблему для чиновников в Приамурье. Данные отношения между цинским двором и населением бассейна Амура продолжались, согласно документам об уплате дани, до конца 1890-х гг., когда династия Цин окончательно отказалась от дани в Саньсине (пров. Ляонин, Китай) **[18, с. 178]**.

Дань, и особенно дань соболем (маньчж. *sekei alban*, кит. 貂贡), определяла отношение манегров к цинскому правительству. Под данью подразумевалось вручение императору драгоценных предметов людьми с низким статусом в знак уважения и подчинения подданным Цин. Дань соболем демонстрирует институциональные отношения между маньчжурским императорским двором и охотничьим населением в Северной Маньчжурии. Мех был не просто ценным товаром, для маньчжурских императоров он был важным маркером идентичности, олицетворяющим их традиционную связь с охотой и родиной Маньчжурии. **(15, с. 36)**. Это показывает, что охотничьи угодья на соболя были важными земельными владениями для коренного населения. Соболь не только формировал дань цинской власти, но и выступал основным промысловым животным, то есть определял экономическую жизнь туземного населения **[1, с. 9]**.

В 1895 г. цинское правительство призывало гольдов и манегров, живущих на левой стороне Амура в армию. Генерал-губернатор С.М. Духовской потребовал от командира Амурского казачьего полубатальона "озаботиться недопущением китайских чиновников, следующих с исключительной целью сбора кочующих на нашей территории инородцев; предложить подлежащим властям внушить кочующим на нашей территории инородцам, что они как русские подданные никого не должны слушать, кроме русских начальников". Он также предупредил китайских властей, что "китайские чиновники

для сбора инородцев в войско на русскую территорию допускаться не будут" **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 804. Л. 177–177 об.)**.

В январе 1895 г. Кумарский станичный атаман в своем рапорте доносил, что китайскими властями производился сбор манегров в 5 верстах ниже поста Буссе. Манегров было собрано до 150 человек. По сведениям от манегров в феврале 1895 г. в 2-х верстах выше станицы Кумарской должен собраться весь наличный состав мужского пола **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 804. Л. 183–183 об.)**.

В 1876 г. Акцизное управление Амурской и Приморской областей запросило сведения о численности населения Амурской области, в том числе и о количестве кочующих инородцев **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 1)**. Только Игнашинский станичный округ сообщил о наличии кочевых инородцев вблизи казачьей станции и предоставил список населения, насчитывающий 790 мужчин и женщин. Как и положено в российских бюрократических документах, "инородцы" были причислены по "роду" (административная единица на основе кровного родства). Их кочевья определялись в терминах "по реке..." и "расстоянии" от с. Игнашинское. Термин "кочевье" использовано в этом документе амурской казачьей бригады для обозначения местности, где жили инородцы. Он не используется для обозначения юридически определенного региона под управлением Степной думы или инородческой управы. В документе перечислены следующие роды: Болодацкий, Боягирский, Кындылгырский в Якутской области), Нанаганский, Никагирский (Шологонский) и Киндигирский в Амурской **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 90. Л. 17)**.

Перечисленные роды занимались сезонной массовой заготовкой рыбы во время её пути к месту нереста. Рыболовные, а зимой и охотничьи угодья играли важнейшую роль в натуральном хозяйстве. Нормы обычного права регулировали все аспекты социально-экономических отношений между эвенкийскими и орочонскими общинами, включая распределение земельных, рыболовных и охотничьих участков между родами. Коренное население сообща владело рыболовными участками, которые закреплялись за определенным родом. Земли, принадлежащие той или иной родовой группе, определялись по легко различимым естественным границам, таким как каналы, горные хребты, озера. Согласно нормам обычного права, охотничьи и рыболовные угодья принадлежали всему роду. Первый род, установивший ловушки на охотничьих угодьях, устанавливал право собственности по общему праву. Если члены другого клана хотели воспользоваться охотничьими угодьями, они должны были получить согласие первого клана. Когда эти нормы нарушались, возникали конфликты **[1, с. 7–8]**. Этнолог Э. Линдгрен приводит ситуацию, произошедшую в нач. XX в. о том, как манегры в долине реки Кумары не позволили другим эвенкам вторгнуться на территорию, которую они считали своей, периодически сжигая олений мох, опасаясь, что их конкурирующие охотники истощат дичь **[16, с. 525]**.

Эти обычаи, согласно которым туземные общины распределяли доступ к земле, были включены в свод степных законов Российской империи **[10]**. Кодификация степных законов была длительным процессом, начатым ещё Сибирским комитетом, а затем переданным в Министерство государственных имуществ Российской империи. Проект кодификации так и не был завершен. Кодекс был издан в количестве менее ста экземпляров в 1841 г. К тому же нет никаких указаний на то, что экземпляры когда-либо поступали в обращение в Иркутске, Забайкалье или Приамурье. Кодекс представлял собой попытку ввести единые правила для управления сибирскими туземцами. В связи с этим в кодексе часто устанавливались единые правила для различных племен. Так, например, родство у разных племен определялось по-разному, но понятие "род" как административная категория ассоциировалось с нетвердыми обязанностями и правилами. Что касается земельной собственности, то кодекс охватывал различия между движимым и недвижимым имуществом, родовым и приобретенным, а также ответственность за потери пахотной земли **[10, с. 134–137]**. Эта кодификация представляет собой начало внедрения правовой системы коренных народов в рамках Российской империи **[13, с. 168]**, но в конце концов сборники степных законов никогда были ратифицированы **[7, с. 509]**.

Второе положение об инородцах после положения 1822 г. было принято в 1892 г. с целью приведения управления коренными народами в соответствии с управлением государственными крестьянами **[11, с. 187–210]**. Поселенные инородцы должны были пользоваться теми же правами и обязанностями, что и русские, управляться одной администрацией и руководствоваться общими законами и учреждениями. Управление кочевыми и бродячими инородцами Приморской и Амурской областей было организовано в соответствии с местными условиями, которые контролировал амурский военный губернатор. Распределение прав на землю закреплялось в Положении: согласно параграфу 36, инородческому роду запрещалось без согласия заниматься каким-либо земледелием (промыслом) на землях другого рода **[11, с. 191]**. Параграф 62 устанавливал, что генерал-губернатор Приамурья нёс ответственность за разделение коренных родов. Если члены рода стремились переселиться из одного рода в другой или на территорию другого рода, они должны были получить разрешение генерал-губернатора **[11, с. 194]**.

В Российской империи существовали критерии определения инородческого землевладения в форме кочевий, которые в течение второй половины XIX в. в других ведомствах империи местные власти стремились определить межеванием. Бродячие инородцы Амурской области не владели определенными территориями в виде кочевий и по этой причине потребности в землеустройстве не было. В Забайкалье российская администрация уважала права на земли инородцев, из-за того, что существовали степные думы как органы самоуправления и представительства интересов коренного населения, бурят и эвенков. На Дальнем Востоке отсутствовали инородные управления. Причины этого, вероятно, заключалась в малочисленности коренного населения, а также в сложности администрирования рассеянного кочевого населения, занимающегося оленеводством, охотой и рыболовством.

Согласно Положению от 3 мая 1896 г., в 1897 г. должна была быть проведена перепись среди бродячих инородцев Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств **(ПСЗ. III. Т. 16, № 12878, с. 357)**. Перепись насчитала 1600 бродячих инородцев. К моменту переписи все эвенкийское население Амурской области – 1264 человека считалось русскими подданными. Оставшиеся манегры (всего 160 чел.) были записаны в Кумарском станичном округе **[9, с. 106]**. Большинство манегров и бираров переселилось на правый берег Амура в связи с интенсивной сельскохозяйственной колонизацией в 1890-х гг. Согласно мнению Г.Н. Гассовского, последние также были вытеснены эвенками-орочонами **[2, с. 543]**. Исчезновение к концу XIX в. бираров и манегров свидетельствует о том, что эвенки-орочоны из различных районов Якутии и Забайкалья переселились в верхнее и среднее Приамурье.

На севере Амурской области, где в начале XX в. еще оставалось инородное население, эвенки и орочоны постепенно теряли средства к существованию по причине вымирания зверя и сельскохозяйственной колонизации. В 1914 году горный исправник Буреинского горно-полицейского округа сообщал статистическому комитету что "тайга в северной части Буреинского округа (т.е. по верховьям рек Буреи и Селемджи) почти мертвая. Крупного зверя нет, а на медведей охотятся здесь очень редко. На соболиную охоту введён запрет. Поэтому большинство инородцев сильно обеднели и нуждаются в правительственной помощи (в порохе, свинце, муке, масле, соли и рыбе)" **(РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 454. Л. 230–230 об.)**.

Заключение

Подведем итог различным формам землевладения, признанным российской администрацией. Корейцы составляли класс мелких землевладельцев, а также крестьян-арендаторов **[17, с. 181]**. Маньчжурские знаменщики составляли класс землевладельцев, чье право собственности на русские земли основывалось на первой статье Айгунского договора. Эвенки и орочоны не были наделены исконными формами землевладения – кочевьями и, соответственно, не были зарегистрированы как землевладельцы. Эвенки и орочоны вели неоседлый образ жизни и не занимались сельским хозяйством, что было основным критерием для признания российской администрацией права собственности на землю. Тем не менее, они были включены в данную статью,

поскольку их присутствие выявляет сложные уровни категории "иностранец" и "инородный".

В течение второй половины XIX в. русская администрация начала уточнять определения "подданных" и "иностранцев" и соответствующим образом стандартизировали их права и привилегии. Наиболее активно такая политика проводилась на приграничных территориях, где беспокойство по поводу амбиций соседних государств сочеталось с беспокойством по поводу иностранной обработки земли и земельных владений **[17, с.111]**.

А.Ю. Назаров корректно определил базовую проблему с землевладением иностранных подданных. О землевладении маньчжуров он писал: "… в области, принадлежащей одному государству, не может быть двух правительств" **[6, с. 9]**. Также не может быть, что манегры охотятся в лесах российского Дальнего Востока, чтобы относить дань и служить Цинской империи. Очевидно, корейцы, у которых не было прямых отношений с цинской властью, не воспринимались как опасные иностранные элементы. Но при этом их постоянное пользование землей – в отличие от временных работ китайцев – представляло собой препятствие для русской колонизации. Поэтому русское подданство им предоставлялось очень неохотно.

Расовое отношение играло не менее важную роль в иностранной идентификации, несмотря на получение российского подданства. Нарратив "желтой опасности" вокруг "азиатских рас" на российском Дальнем Востоке является хорошо известной темой исследований и показывает, как глобальные колониальные установки в отношении расы и гражданства были адаптированы в многонациональной, сословной Российской империи.

В данной статье показано, как российская администрация относилась к различным земельным владениям в зависимости от подданства землевладельцев.

Корейцы были иностранными поселенцами, обрабатывавшими земли, официально принадлежавшие казакам. Путем принятия имперского подданства и в итоге крестьянского сословия, корейцы могли легализовать свои земельные владения. Из-за расовых предрассудков они по-прежнему сталкивались с дискриминацией, например, им выделялось только 15 десятин на семью вместо 100, которые им должны были предоставляться в соответствии с их крестьянским сословием.

Маньчжуры были цинскими знаменщиками и их земельные владения напрямую подрывали суверенитет России в Маньчжурском клине. Их земельные владения были официально признаны в Айгунском договоре. Они не могли быть ассимилированы или включены в состав российского подданства, и поэтому их земельные владения представляли серьезную проблему для империи.

Невозможно сказать, как комитет К.Н. Грибского собирался решить эту безвыходную ситуацию. Из документов видно, что планировались существенные межевания земель **(РГИА ДВ. Ф.704. Оп. 1. Д. 885. Л. 13)**.

Наконец, манегры не являлись подданными империи (поскольку они поддерживали отношения с империей Цин) и не принадлежали к какой-либо имперской категории. Российское правительство даже не интегрировало эвенков и ороченов российского подданства, которые официально принадлежали к категории инородцев в состав империи. На российском Дальнем Востоке отсутствовала система инородного управления и поэтому не было юридической основы для защиты своих земельных прав, не существовало правительственных организаций, которые могли предлагать, например, услуги межевания инородцам. Они были исключены из доступа к имперскому подданству с вытекающими из этого правами и привилегиями, и поэтому их земельные владения существовали за пределами институциональных рамок Российской империи. Кроме того, истощение пушных ресурсов также выдавливало инородцев с родных земель. В различии от корейцев и маньчжуров, манегры были иностранными землевладельцами, которых российское правительство даже ни признавало землевладельцами.

Неодинаковые права корейцев, маньчжуров и инородцев демонстрируют, как Российская империя управляла землевладением, используя (или рассматривая) имперские категории, прежде всего, статусы подданства.

Литература

1. Воронцова Н.А. Землевладение и землепользование по обычному праву у коренных народов Нижнего Амура и Приморья во второй половине XIX – начале XX веков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3 (4). С. 6–12.

2. Гассовский Г.Н. Гилюй-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925–1926 г. // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 4. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. С. 471–570.

3. Забияко А.П., Чирков Н.В. Народы и религии Приамурья. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2017. 421 с.

4. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. А. Кириллов. Благовещенск: Типография т-ва "Д. О. Мокин и Ко.", 1894. Т. IV. 541 с.

5. Марченко В. Г., Зибарев, В. А. К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Вопросы археологии н этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 104–112.

6. Назаров А.Ю. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назаров // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению ген.-губ. Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 4. Вып.1. Иркутск: Тип. Штаба Вост. Сиб. воен. окр., 1883. С. 17–48.

7. Нольде А.Э. К истории составления проекта "Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири". СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 22 с.

8. Орлов А.П. Баунтовские и ангарские бродячие тунгусы // Вестник ИРГО. Ч. 21. № 6. Вып. 2. СПб: Тип. Мор. Мин-ва, 1857. С.180–192.

9. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. / Зап. ИРГО по отд. Статистки. Т. 11. СПб., 1912. С. 434–999.

10. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб.: Тип. 2-го Отд. С.К.Е.И.В., 1841. 14 с.

11. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. Сост. Г.Г. Савич. СПб., 1903. Отд. 1. 336 с.

12. Тураев, В.А. Этническая история дальневосточных эвенков (XVII–XIX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 5. С. 90–102.

13. Шангин А.М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов // Тр. Ин-та государства и права РАН. 2009. № 4. С. 158–168.

14. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 3. Этнографическая част. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. Т. XVII. 145 с.

15. Chia N. The Solon Sable Tribute. Hunters of Inner Asia and Dynatic elites at the imperial Centre // Inner Asia. 2018. №. 20. P. 26-63.

16. Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. 75, N. 6. P. 518–534.

17. Park A. M. Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945. Cornell University Press, 2019. 284 c.

18. Shiro S. A History of the Far East Indigenous Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 161–193.

19. Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. № 2. P. 173–190.

References

1. Vorontsova N.A. Land tenure and land use according to customary law among the indigenous peoples of the Lower Amur and. Primorye in the second half of the 19th – early 20th centuries. // Ojkumena. Regional Researches. 2007. No. 3 (4). P.6–12. (In Russ.).

2. Gassovsky G.N. Gilyuy-Oldoisky hunting and fishing area. Results of the winter expedition of 1925–1926 // Productive forces of the Far East. Vol. 4. Khabarovsk; Vladivostok: Book. business, 1927. P. 471–570. (In Russ.).

3. Zabiyako A.P., Chirkov N.V. Peoples and religions of the Amur region. Blagoveshchensk: Amur State Publishing House. Univ., 2017. 421 p. (In Russ.).

4. Geographical and statistical dictionary of the Amur and Primorsky regions with the inclusion of some points of neighboring countries / Comp. A. Kirillov. Blagoveshchensk: Printing house D. O. Mokin and Co., 1894. IV, 541. p. (In Russ.).

5. Marchenko V.G., Zibarev, V.A., On the issue of the administrative structure of small nationalities of the North in pre-revolutionary Russia // Questions of archeology and ethnography of Siberia. Tomsk: Publishing house Tom. Univ., 1978. P. 104–112. (In Russ.).

6. Nazarov A.Yu. Note on Chinese subjects of the Amur Region of the General Staff of Lieutenant Colonel Nazarov // Collection of the most important official documents on the management of Eastern Siberia: Ed. by order of the Governor General of the East. Siberia D.G. Anuchina. T. 4 issue 1. – Irkutsk: type. Headquarters East Sib. military okr., 1883. P. 17–48. (In Russ.).

7. Nolde, A.E., On the history of the drafting of the "Code of Steppe Laws of Nomadic Foreigners of Eastern Siberia." SPb: Type. Main Directorate Udelov, 1911. 22 p. (In Russ.).

8. Orlov, A.P., Bauntovsky and Angara wandering Tungus // Bulletin of IRGO Part 21, No. 6, no. 2. St. Petersburg: Type. Mor. Min-va, 1857. P.180–192. (In Russ.).

9. Patkanov, S.K., Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and clans of foreigners (based on data from special development of the 1897 census material) T. 3: Irkutsk province, Transbaikal, Amur, Yakut, Primorsky regions and about Sakhalin. / Notes of IRGO on the department. statistics, vol. 11. St. Petersburg: 1912. S. [3], 434–999. (In Russ.).

10. Code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia. St. Petersburg. 1841. 14 p. (In Russ.).

11. Collection of laws on the organization of peasants and foreigners of Siberia and the Steppe Territory: comp. G.G. Savich. St. Petersburg, 1903. Dept. 1. 336 p. (In Russ.).

12. Turaev V.A. Ethnic history of the Far Eastern Evenks (XVII–XIX centuries) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 5. P. 90–102. (In Russ.).

13. Shangin A.M. Code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia as an initial attempt to codify the customary law of the Siberian peoples // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: From the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2009. No. 4. P. 158–168. (In Russ.).

14. Shrenk, L. I. About foreigners of the Amur region. T. 3. Ethnographic part. St. Petersburg: Type. Imp. Academician Sciences, 1903. XVII, [1], 145 p. (In Russ.).

15. Chia N. The Solon Sable Tribute. Hunters of Inner Asia and Dynatic elites at the imperial Center // Inner Asia. 2018. Vol. 20. P. 26–63.

16. Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. 75, Vol. 6. P. 518–534.

17. Park A. M. Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945. Cornell University Press, 2019. 284 p.

18. Shiro S. A History of the Far East Indigenous Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires // Senri Ethnological Studies. 2016. Vol. 92. P. 161–193.

19. Slocum J. W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // The Russian Review. 1998. No. 2. P. 173–190.

◆

Информация об авторе

Стефани Цихаус, аспирант Венского университета, Вена, Австрия, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Information about the author

Stephanie Ziehaus, Postgraduate Student, University of Vienna, Vienna, Austria, e-mail: ziehausstephanie@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2024 Одобрена после рецензирования 03.02.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 16.01.2024 Approved 03.02.2024 Accepted 28.08.2024